

18+

Леонид Канашин

Приключения новичка в тайге

Леонид Канашин

Приключения новичка в тайге

«Издательские решения»

Канашин Л.

Приключения новичка в тайге / Л. Канашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857176-3

Молодой оболтус, проваливший экзамены в институт, собирается перед уходом в армию потусить с друзьями как следует, но мать неожиданно устраивает его на работу в таежный геологический отряд. Едва вчерашний городской школьник попадает в тайгу, водоворот самых невероятных приключений затягивает его в увлекательную и опасную игру, где неожиданно на кону оказывается его жизнь.

ISBN 978-5-44-857176-3

© Канашин Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Бывший интеллигентный человек	6
2. Как ищут уран	10
3. Что загадала Люся	14
4. Ведьмина мельница и Чертова печка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Приключения новичка в тайге

Леонид Канашин

*Посвящается Лобову Анатолию Ивановичу,
заслуженному геологу России.*

© Леонид Канашин, 2017

ISBN 978-5-4485-7176-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. БЫВШИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Эти невероятные события произошли со мной в 1985 году, сразу после окончания школы. Аттестат мой отнюдь не радовал глаз. Унылую колонку тройков замыкали четверки по пению, «лепению», физкультуре и поведению. Понятно, что поступить в институт я даже не мечтал, но документы все-таки подал, чтобы не расстраивать мать. Мои закадычные друзья-одноклассники Мушня, Жапен и Акатя, глядя на меня, за компанию, тоже решили поступать в политехнический и на ту же специальность. Сейчас уже не помню, как она называлась. Туда был самый низкий конкурс.

Из нас только Акатя прошел дальше первого экзамена. Я был даже рад, что быстро отмутился: осенью меня ждал призыв в армию, а пока можно было пару месяцев потусить с друзьями, пожить беззаботно.

Вечером того дня, когда стали известны результаты, Акатя, чувствуя себя неловко, проставился. Он купил две долгоиграющие бутылки портвейна, и мы пошли к нему в подъезд, где в плафоне неисправного светильника у нас был тайник с травкой. Портвейн выпили прямо из горлышка, затем пустили по кругу косячок и, когда совсем прибалдели, поехали на танцы в Центральный парк.

Этот Жапен – семь рублей убытков!.. Стал кадрить местных чувих... Потом куда-то исчез... Вот только что он танцевал около меня, косил под Майкла Джексона, и вдруг испарился!

Я к выходу, гляжу, в стороне, на аллее, четверо бродовских его метелят!.. Бродовские тогда «держали шишку» в Хабаровске. Лечу с криком в эту кучу, одного боднул головой под дых, другого достал крюком в челюсть – и тут мне сбоку прилетело так, что искры из глаз!

Кричал я за троих, бродовские решили, что меня много, и отскочили. Тем временем Акатя с Мушной подросли, стали рядом в стойки. Типа они каратисты. Однако же и бродовских понавалило, кодла человек пятнадцать! Мы отмахивались как могли, да что толку? Первым упал Акатя, потом Жапен свалился... Тут менты прибежали. Бродовские врассыпную, корешей моих повязали, а я спрятался в кустах.

Домой пришел в рваной рубашке, с заплывшим глазом. Мать, как обычно, в слезы, в причитания – у меня уже было два привода в милицию... Отец бросил нас, когда мне стукнуло десять лет, так что она да я – вот и вся наша семья.

Я завалился спать, а утром мать повела меня в контору геологической экспедиции, устраивать на работу. Она там мыла полы за полсотни рублей в месяц, ну и узнала, что им нужны дополнительные работники на лето.

В отделе кадров меня оформили временным рабочим, а потом отправили в кассу, где я получил деньги на проезд к месту полевых работ, в тмутаракань на севере Амурской области.

Короче, опомнился я вечером в плацкартном вагоне поезда «Хабаровск-Москва» с билетом до станции с прикольным названием Тыгда.

До Тыгды из Хабаровска трястись без малого сутки, и почти всё это время я провел на верхней полке: спал, ел яйца, которые мать сварила мне в дорогу, да глядел в окно на бесконечную тайгу.

Прямо у меня над ухом поездное радио выдавало концерт нон-стоп. Одна песенка оказалась по теме. Там был куплет – он засел в моей голове и под перестук колес прокручивался раз за разом:

«Не просто себе бродяги, таежные чудачки.

Геологи – работяги, копатели, ходоки!»¹

Я не хотел быть ни копателем, ни ходоком. Геологи представлялись мне обросшими, диковатыми мужиками, говорящими исключительно матом. Компания таких мне встретилась на вокзале, в подземном переходе на платформу. От них все нормальные люди шарахались!

Ничего, думал я, два месяца как-нибудь перекантуюсь. Зато, может быть, денег подзаработаю. Я уже знал, куда их потрачу. Куплю матери красивое платье, а то она вечно ходит в каких-то застиранных кофтах. На выпускном жалась по углам...

Темнело, когда я сошел в Тыгде. Дальше мне надо было ехать автобусами, сначала до города Зея, а потом до таежного поселка Золотая Гора. Автобус в Зею ходил прямо от вокзала, но следующий рейс был только утром, и я бросил свои кости на вокзальную скамью.

Около двух ночи ко мне подсел мужик за сорок, бичевского вида. «Сейчас будет просить денег», – с тоской подумал я.

– Позвольте поинтересоваться, коллега, куда держите путь? – спросил бичара. Запашок от него шел, скажу я вам...

– С чего ты решил, что я твой коллега?

– Ну, как же... – бродяга как будто не заметил моего наезда, – походная одежда, рюкзак... но и не турист – они толпой ходят... Опять же, извиняюсь, синяк... Значит, как и я, геологоразведочный рабочий... Будем знакомы, Семенов Семен Семенович, в бассейне реки Зеи более известный как Сим-Сим чифирист... – и мужик протянул мне руку.

– Георгий... – пробурчал я, пожимая его ладонь, широкую и шершавую, как деревянная разделочная доска.

– Так куда все-таки направляетесь? – с той же противной вежливостью спросил Сим-Сим.

– На Золотую Гору.

– На рудник?

– Нет... Туда за мной приедет вездеход из Хабаровской экспедиции.

– А, значит, уран будете искать...

– Почему уран? – удивился я. – Молибден.

– В бассейне реки Зеи, коллега, вам даже малые дети скажут, что Хабаровская экспедиция ищет уран... – Сим-Сим глянул на круглые вокзальные часы, висевшие на стене, и спросил вдруг: – А не выпить ли нам, Георгий, за знакомство?.. Нам ведь до Зеи по пути, а автобуса еще ждать и ждать.

– Я вообще не пью, – отрезал я.

– Речь идет разве о том, чтобы пить?.. Бутылочка плодово-выгодного на двоих для смазки разговора – разве это выпивка?.. Я, признаюсь, поиздержался и не могу угостить, но зато знаю, где взять, и могу сходить, да что там сходить – я сбегаю!..

Стараясь, чтобы Сим-Сим не увидел всех моих денег, я выудил из кармана трешку. Сим-Сим загреб денежку своей лопатой и со словами «я мигом!» буквально выбежал из вокзала.

Он вернулся через десять минут, и не с одной, а с двумя бутылками вина.

– Чтобы не ходить второй раз! – сказал он в ответ на мой возмущенный взгляд.

Я достал из рюкзака эмалированную кружку, и мы выпили по очереди. Портвейн преобразил Сим-Сима: глаза его живо заблестели, морщины разгладились.

Конечно, он стал грузить меня историей про свою неудавшуюся жизнь. Если отбросить разную лирическую хрень, то история такова. По образованию он электромеханик, работал на заводе в Житомире. Был женат, дочке сейчас четырнадцать. Хорошо зарабатывал, а кроме того, имел халтуру – чинил телевизоры на дому. Это его и сгубило: многие расплачивались бухлом и он постепенно спился. Жена устала терпеть и подала на развод. После развода Сим-

¹ Текст песни Льва Ошанина.

Сим оставил квартиру жене и завербовался сюда, на Октябрьский прииск. Думал – на полгода, а оказалось – за шесть лет он впервые выбрался дальше Зеи.

– Зея, Георгий, это маленький Париж, столица дальневосточных бичей! – Сим-Сим громким голосом будил дремавших соседей. – А знаешь, Гоша, как расшифровывается слово «бич»?.. Бич – бывший... интеллигентный... человек!..

Денег на автобус у бывшего интеллигентного человека тоже не оказалось. Однако Сим-Сим пообещал мне вернуть их в Зее. Там он, дескать, снимет бабки со сберкнижки, на которую прииск ему перечислял зарплату. Ну-ну...

На вопрос, что он делает в Тыгде, Сим-Сим ответил, что неделю назад он и его молодой напарник уволились с прииска, так как мастер неправильно закрыл им наряд. После чего подались в Шимановск, где, по слухам, нужны были горные рабочие.

Зею-то они удачно проскочили, а в Тыгде встретили бывшую приисковую повариху... ну и тормознулись у нее. Гуляли два дня, а потом их черт понес за добавкой в стационарный буфет. Там случился какой-то скандал... Словом, Сим-Сим проснулся в ментовке с пустыми карманами, а напарник куда-то пропал... Сим-Сим искал его где только можно, но не нашел, и, поразмыслив, решил припятиться на родной прииск.

Сим-Сим до последнего не садился в автобус. Он всё стоял у открытой двери, потягивая подобранный на остановке окурочек, и озирался по сторонам – ждал напарника. Не дождался.

До Зеи по раздолбанной дороге, проложенной среди тайги, убитый «Пазик» тащился три часа.

Маленький Париж оказался пыльным городишком на берегу довольно большой и резвой реки Зеи. Он почти сплошь состоял из приземистых деревянных домов, и только подальше от реки, на сопке, виднелись белые многоэтажки нового микрорайона.

На автостанции мы расстались с Сим-Симом. Он рассказал мне, где найти гостиницу, и я пошел туда устраиваться, так как автобус на Золотую Гору отходил завтра утром.

Бросив в номере рюкзак, я по совету Сим-Сима отправился смотреть плотину местной ГЭС. Ничего так плотина... Вода бушует, брызги, рев, силища неимоверная!.. Вернулся под вечер, едва держась на ногах из-за бессонной ночи, прикорнул, не раздеваясь, на краешке кровати и уснул, так и не дождавшись, когда Сим-Сим принесет обещанные деньги.

Утром я с ужасом увидел, что проспал. Я рванул на автостанцию: ну да, автобус ушел полчаса назад! Облом еще был в том, что рейс на эту проклятую Золотую Гору выполнялся через два дня на третий. Сегодня специально за мной из отряда к приходу автобуса приедет вездеход, а меня нет... Конечно, ждать три дня никто меня не будет! Допустим, я доберусь на Золотую Гору следующим рейсом, и что я буду там делать? Где мне искать в тайге этот отряд?.. Хоть возвращайся теперь обратно в Хабаровск!.. Только на какие шиши? Денег осталось только на автобусный билет!

К автостанции подкатило пыльное такси. Свободное. «Мужик, до Золотой Горы не подбросишь?» – вежливо спрашиваю. Таксист-упырь посмотрел на меня как на дебила, потом сказал, что обратных пассажиров не будет, поэтому надо платить за оба конца, что дорога – говно... Короче, всего получится... сорок рублей... и деньги сразу!

Сорок рублей! Убиться об забор! А еще говорят, что в глубинке душевные люди!.. Я фигею, какие они здесь душевные!..

Ноги сами поволокли меня обратно к гостинице. У входа в гостиницу околачивался Сим-Сим. Он выглядел еще с большего бодуна, чем вчера в Тыгде: его качало, лицо было таким опухшим, что на месте глаз виднелись только узкие щелочки.

Тем не менее он меня узрел и бросился с объятиями.

– Гоша! – радостно кричал Сим-Сим, и белая пена неприятно пузырилась в углах его губ. – Гоша, прости старого чифириста! Не смог я вчера вернуть деньги, загулял с корешами, и сегодня не верну, если ты мне не подсобишь!..

– Как я могу подсобить? – раздраженно спросил я, брезгливо отстраняясь.

– Деньги надо получить в сберкассе, а я не могу расписаться в сберкнижке, и кореша не могут – ручка в руках не держится!.. – Сим-Сим показал руки. Они тряслись, словно он был под напряжением. – Пойдем, ты за меня распишешься.

– Как же я распишусь?

– У меня есть образец, я по трезвянке сделал. Подпись простая, проще, чем у кого-либо в бассейне реки Зеи, смотри! – он достал из кармана сложенный в несколько раз затертый листок.

Я посмотрел: действительно простая – в школьном дневнике я и не такие подделывал!

– Семен Семенович, – сказал я, – мне нужно много денег.

– Сколько? – спросил Сим-Сим, явно польщенный тем, как я к нему обратился.

– Сорок рублей...

– Нет проблем! – сказал Сим-Сим. – Снимем соточку... Сорок тебе, шестьдесят мне – долги здесь раздать.

– Я верну после сезона!

– Не бери в голову, коллега!

Сберкасса находилась за углом. Получив деньги, я наскоро распрощался с Сим-Симом и помчался к автостанции. Такси стояло на прежнем месте. Я плюхнулся на сиденье рядом с водителем и небрежным жестом подал ему деньги.

Дорога была еще та!.. Просто бульдозером содрали мох, повалили на стороны деревья и кусты и назвали это дорогой! Таксист, объезжая камни и пни, ямы и выбоины, матерился без остановки. Бедная «Волга» стонала, как живая. Нормальные дороги проложены по берегам красивых речек, а эта сразу полезла круто в гору, выбралась на вершину высокого хребта, заросшего кедровым стлаником и чахлыми лиственницами, и так и петляла по нему до самой Золотой Горы.

Часа через три после старта мы попали в облако пыли от идущего перед нами автобуса, и я вздохнул с облегчением – теперь меня уже точно не потеряют! Минут десять мы глотали эту пыль, но потом все-таки обогнали автобус и почти сразу въехали в поселок, состоящий из десятка деревянных бараков, в беспорядке разбросанных на голой покато́й вершине горы. Водила подрулил к дому с вывеской «Смешанные товары», и я под стук отпадающих челюстей местных зевак гордо вышел из такси.

Неподалеку от магазина стоял тупорылый Газ-66 с кузовом, крытым пыльным тентом, и с надписью «Геология» на дверце кабины. Из открытого окна торчали босые ноги водителя.

2. Как ищут уран

До лагеря поискового отряда пробивались по едва заметной дороге, которую шофер Владимир называл зимником. Автомобиль ломал кусты багульника, ольшаник, мелкий березняк, объезжал развалы каменных глыб, сходу форсировал заболоченные долины ручьев.

Река, на берегу которой расположились геологи, называлась Гилюй. Водитель сказал, что это самый большой приток Зеи. У Гилюя были каменистые берега, прозрачная вода и ширина не меньше сотни метров. Крутые таежные сопки, вершины которых терялись то ли в тумане, то ли в облаках, теснили реку, и она неслась, как пришпоренная лошадь.

Десятка полтора выцветших палаток, натянутых на каркасы из жердей, длинный дощатый стол с лавками по обеим сторонам, брезентовый полог, закрывающий этот стол от дождя и солнца, большое кострище с перекладиной для подвешивания котлов и ведер – всё это и называлось полевым лагерем.

Меня встретил начальник отряда – серьезный бородатый дядька по имени Михалыч. Он показал палатку, где я могу расположиться. Потом мы пошли в другую палатку, которая оказалась складом, и там Михалыч выдал мне большой спальный мешок, неподъемные кирзовые сапоги, портянки, накомарник и противоэнцефалитную робу.

Кроме Михалыча в лагере находилась только молоденькая девушка, суетившаяся у костра. Оттуда ветром нагоняло разные вкусные ароматы. Я ничего не ел со вчерашнего вечера и, свалив полученное снаряжение в свою палатку, как бы ненароком нарисовался в поле зрения поварахи, стараясь в то же время не светить фингалом.

– Ты, наверно, голодный? – спросила она. – Солянку будешь?.. Садись за стол.

Повариху звали Люся. Она оказалась племянницей Михалыча и так же, как и я, окончила школу в этом году. В Хабаровске живет на Истомина. Мне она сразу понравилась... Другая выставяла бы себя передо мной, типа какая она бывалая таежница, а эта ничего... К тому же, симпатичная...

Люся рассказала, что геологи еще в маршрутах, но скоро начнут возвращаться.

Делать пока было нечего, и я крутился до конца дня около Люси. Носил ей воду из Гилюя, вскрывал консервные банки, поддерживал огонь в костре. Постепенно лагерь наполнялся веселыми шумными людьми. Геологи мылись в реке, купались, передевались в домашнее и подходили на кухню. Знакомились со мной.

Когда стемнело, у костра собрались молодые ребята и девушки. Пили чай с запахом дыма, пели под гитару. «Машина времени», Розенбаум, Высоцкий... Здорово! Люся сидела напротив меня. Глаза ее в свете костра блестели как-то особенно.

Потом все разошлись, и я остался один. От реки несло прохладой. Я ворошил палкой догорающие головешки, чтобы продлить жизнь костру. Если честно, было страшно идти в палатку, сразу за которой черной угрюмой стеной стояла тайга. Мне казалось, дикие звери, затаившиеся там, только и ждут, когда я лягу, чтобы растерзать меня в спальном мешке.

Неожиданно в палатке, ближайшей к костру, послышались громкие голоса. Тусклый свет свечи пробивался из окна, затянутого противомоскитной сеткой. Я узнал голоса: спорили Михалыч и молодой геолог Алексей.

– Как ты не понимаешь, – басил Михалыч, – что на проверку этой аномалии нет ни времени, ни людей? До конца сезона осталось всего ничего, а у нас еще не закрыта Джелтулинская площадь, а там десятки аномалий похлеще этой!

– Михалыч, таких аномалий больше нет! Да, она слабенькая, но взгляни, здесь пик не только по урану («Значит, все-таки уран!» – подумал я), но и по калию!

– И что с того?

– А то, что в Якутии уникальные руды урана богаты именно калием! Калий – это важный поисковый признак!

– Только не надо, Алексей, за уши притягивать аналогии с Якутией! И потом, ты что, думаешь в аэропартии дураки работают? Если бы эта аномалия была стоящей, они бы сами сразу ее проверили!

– Хорошо! – в голосе Алексея послышалась ирония. – Давай продолжим гнать план, давай накручивать километраж на площадях, пустых, как бубен, а уникальное, может быть, месторождение пусть дожидается более достойных открывателей!

– Ладно, – сказал Михалыч устало, – можешь туда отправляться хоть завтра. Только моторку я тебе не дам!

– Так туда сто с лишним километров! – возмутился Алексей.

– Сплавам, на резиновой лодке... За пару дней доберешься! Ну, а обратно, так и быть, выведем... И вот что еще: Ванечку я тебе тоже не дам! Он будет делать спектрометрию на Джелтуле.

– Я что, сам буду радиометр таскать?

– Возьми Георгия.

– Какого Георгия?

– Новенького.

– Этого тошнотика?! Да он в первом же маршруте загнется!.. Его еще неделю надо учить!.. Если вообще он обучаемый! Ты слышал, что он учудил?

– Что?

– Он на Золотую Гору на такси приехал! Впервые в истории! Все бичи Зейского района на ушах стоят!

– Красавец! – засмеялся Михалыч. – Ладно, Алексей, давай до завтра!.. Утро вечера мудренее!..

Тут я, испугавшись, что меня обвинят в подслушивании, поборол страх и быстро прошел в свою палатку. Там было холодно и сыро, со злым нетерпением звенели голодные комары. Я зажег свечу, разделся и забрался в спальный мешок. Подумал, гасить свечу или нет, потом все-таки загасил. Я лежал в темноте и прислушивался к разным подозрительным шорохам. В спину давили жерди нар. Эскадрильи комаров пикировали на меня волна за волной. Я исхлестал себе всё лицо, прежде чем догадался натянуть на голову накомарник. В накомарнике стало невыносимо душно... «Нет, утром попрошу отправить меня домой!» – подумал я и уснул.

Разбудил меня Алексей.

– Гоша, вставай! – говорил он, трясая за плечо. – Вставай, нас ждут великие дела!

Геологи уже заканчивали завтракать. Люся встретила меня насмешливой улыбкой. На завтрак была рисовая каша с тушенкой. Вкусная. Я хотел попросить добавки, но Алексей стоял над душой, и я удержался. Он повел меня в специальную палатку, которую геологи называли камералкой. Там находился стол, не меньше кухонного, заваленный бумагами. На самодельных, из жердей, стеллажах лежали камни, громоздились какие-то приборы.

Алексей усадил меня за стол и, судя по его лицу, приготовился держать торжественную речь. «И этот человек назвал меня тошнотиком!» – подумал я. Алексей, мягко говоря, тоже не поражал своей мощью. Он был худ и узкоплеч, а роста такого же, как я, то есть чуть выше среднего. Он носил рыжую бородку, и насмешливое выражение, как я успел заметить, редко сходило с его подвижного лица.

– Георгий! – начал он. – На тебя свалилась крупная удача!.. Завтра ты в составе летучего, вернее – плавучего, поискового отряда отправляешься навстречу своей славе! Ты, совсем зеленый еще рудознавец, получаешь счастливый шанс стать первооткрывателем уникального месторождения урана... то есть, я хотел сказать – молибдена!.. Подожди-ка, дружок... тебе в конторе оформили допуск к секретным работам?

– Нет... – сказал я растерянно.

– Ладно, потом разберемся!.. В общем, Георгий, мы ищем уран!.. А уран – это очень редкий металл. Если в руде содержится урана всего одна десятая процента, такая руда уже считается очень богатой. Что это означает?.. Это означает, Георгий, что на глаз даже богатую урановую руду порой трудно отличить от пустой породы! И что же делать бедному геологу?..

Я пожал плечами.

– Бедному геологу на помощь приходит добрый геофизик вот с таким волшебным прибором, – при этих словах Алексей достал из продолговатого фанерного ящика пластиковую коробку и металлическую палку, соединенные резиновым кабелем, – с волшебным прибором, который называется радиометр... А добрым волшебником в нашем летучем суперотряде будешь ты, Георгий!.. Поэтому сегодня ты до обеда должен этот прибор освоить, а после обеда мы начнем готовиться к своему историческому походу! Понятно?

– Понятно, – сказал я неубедительно. – А кто мне расскажет, как он работает?

– Так я же и расскажу! – воскликнул Алексей. – Смотри, я подношу к концу этой палки, она вообще-то гильзой называется, кусок урановой руды. Видишь, стрелочка на приборе поехала?..

– Здорово!.. А это не опасно? – я на всякий случай отодвинулся подальше.

– Ну, если в трусах ты его носить не будешь, опасности нет! – засмеялся Алексей.

– Значит, я буду ходить с этим радиометром, тыкать гильзой в камни и смотреть на стрелку?

– Нет, дружок, вот только тыкать гильзой в камни не надо. У нее на конце встроен специальный искусственный кристалл, очень хрупкий и очень дорогой, зараза! Если ты его расколотишь – никакой зарплаты не хватит, чтобы расплатиться!.. Гильзу надо плавно перемещать над землей, над камнями... Видишь, она чувствует руду уже за метр!.. И на стрелку все время смотреть не нужно: споткнешься – хорошо, если только голову расшибешь, а если радиометр?!..

– Так я же пропущу руду!

– А для этого к прибору прилагается специальный наушник... Надень!.. Слышишь, так тишина, а когда руду подношу – стрекочет со всей силы?.. Вот, по наушнику руду и ищут, а стрелочка нужна, чтобы точно оценить интенсивность радиации и записать ее в журнал наблюдений... Теперь, Гоша, иди на берег, где скалы, погуляй с прибором... Там, я знаю, есть несколько небольших аномалий – посмотрим, найдешь ты их или нет?..

Я накинул ремень радиометра на шею, взял в руки гильзу (у нее была ручка, как у большого пистолета) и гордый, чувствуя, что от кухни на меня смотрит Люся, пошел к реке.

Аномалии я нашел быстро. От них, конечно, трещало в наушнике не так сильно, как от руды, но тем не менее... Алексей меня похвалил.

За обедом я сообщил Люсе, как бы между прочим:

– Завтра уплываю...

– Знаю, – сказала она.

– Там одно уникальное месторождение надо открыть...

– А ребята говорят, что Алексей всё это специально придумал, чтобы добраться до Чертовой печки и набрать там золота... – сказала Люся, придвинувшись и понизив голос.

– Какой Чертовой печки? – поразился я.

– Есть на Гилюе такой страшный порог, где люди гибнут! В прошлые века, когда здесь была золотая лихорадка, там разбилось очень много плотов со старателями. Старатели тонули, и их золото – тоже... Там, говорят, в малую воду видно, что всё дно желтое!..

– Что же раньше никто не достал? – резонно спросил я.

– Там воронка затягивает: нырнет человек туда, а обратно уже не может вынырнуть!

– А Алексей как собирается?

– Колесников-то?.. Он же башковитый!.. Наверно, что-то уже придумал... Может быть, тебя заставит нырять... Веревку к твоей ноге привяжет и...

Тут из своей палатки вышел Алексей и крикнул:

– Гоша, ты сапоги когда-нибудь носил?

– Нет.

– Иди, буду учить, как портянки наматывать.

3. Что загадала Люся

Вечером опять собрались у костра. Я пришел раньше всех и специально сел так, чтобы Люся, заняв на бревне свое вчерашнее место, оказалась рядом со мной. Но еще до того, как к огню стали подтягиваться геологи, я вдруг вспомнил, что не выполнил одно важное задание Алексея. Нужно было сварить пару банок сгущенки. И я подумал, зачем специально варить, время тратить, когда можно просто запечь в костре, как картошку? Я сбегал в свою палатку, где лежали продукты, отобранные нами к походу, сунул за пазуху банки, тайком от Алексея пронес их к костру и зарыл в горячую золу.

Вышло, как я и рассчитал. Люся села рядом со мной. Ее теплое плечо касалось моего плеча. Когда ветерок нагонял от костра едкий дым, Люся, утирая слезы и смеясь, пряталась за мою спину, ненароком ко мне прижимаясь, и сердце мое сладко замирало...

Почти все геологи умели играть на гитаре. Она переходила из рук в руки, но лучше всех играл и пел практикант Ванечка, студент-геофизик Киевского техникума. Он был невысокого роста, ладно скроен, с приятными чертами лица. К тому же Ванечка обладал веселым и покладистым характером и, как я сразу заметил, пользовался в отряде всеобщей любовью. Если гитара попадала к нему, все начинали подпевать с особым энтузиазмом. Девушки смотрели на Ванечку затуманенными глазами. А он всё поглядывал на Люсю, а когда запел «Милая моя, солнышко лесное...», вообще уставился на нее, будто мышь на крупу...

Однако не успел он допеть последний куплет, как в костре рвануло так, что уши заложило! Головешки и искры полетели в разные стороны, грязная туча пепла поднялась над огнем... Все вскочили с мест, девушки завизжали истошно...

Среди этой суматохи раздался возмущенный голос Алексея:

– Какой идиот положил сгущенку в костер?!

Я глянул на него и похолодел – весь он был уляпан вареной сгущенкой! Это сгущенка моя взорвалась, причем основной заряд угодил в Алексея!..

Конечно, можно было скромно утаить свою роль в этом происшествии, но в костре оставалась еще одна банка, и я, закрыв лицо локтем, ожидая каждое мгновение нового взрыва, судорожно стал разгребать золу подвернувшейся под руку палкой. Увидев мои манипуляции, геологи бросились врассыпную.

– Убегай, балбес! – кричал из-за дерева Алексей. – Глаза вышибет!..

«Пусть вышибет! – думал я. – Теперь уже всё равно...»

Мне удалось-таки откопать банку и отбросить ее в сторону.

Всем уже было весело. Кроме Алексея и Ванечки. Ванечка в момент взрыва сидел рядом с Алексеем, и ему тоже хорошо досталось. Они ушли мыться и стирать свои вещи. Из темноты от реки еще долго слышались проклятия Алексея на мою дурную голову.

Костер поправили, гитару очистили от сгущенки, но лирическая атмосфера улетучилась, и мало-помалу геологи стали расходиться. Наконец у огня остались только я и Люся.

– Не расстраивайся! – сказала Люся. – Поначалу что только с кем не бывает!.. Я в первый день сварила борщ с рыбными консервами, представляешь?.. А у нас в классе однажды мальчишки...

Тут мы начали рассказывать друг другу разные прикольные истории из школьной жизни.

– А куда ты поступала? – спросил я, когда возникла пауза, и ничего смешного в голову больше не шло.

– Никуда, – ответила Люся. – Я после выпускного поехала сюда сразу... У меня серебряная медаль... в Хабаровске хоть куда могла поступить, но я пока не решила, кем быть... А ты?

– Тоже не решил... – ответил я, не вдаваясь в подробности.

В палатках стали гаснуть свечи. Яркая звезда сорвалась и полетела вниз, косо перечеркивая небосклон.

– Успел загадать? – спросила Люся.

– Нет... А ты?

– Успела.

– А что загадала?

– Не скажу!

– Жадина-говядина!

В костре догорали последние угольки. Что-то сонно лепетала река.

– Пойду спать, – сказала Люся, – завтра рано вставать, готовить.

– Я провожу, – расхрабрился я.

– Да здесь два шага! – тихо засмеялась Люся.

– А вдруг зверь какой?

До Люсиной палатки было десятка три метров. Стояла уже кромешная темнота. Под ногами шуршала трава, хрустели сухие веточки. Я осторожно, кончиками пальцев, держал Люсю под локоть. Как бы охранял и заботился.

Вот и палатка.

– Ну, я пошла, – сказала Люся. Однако же не уходила, словно ждала чего-то.

И тут до меня дошло, что она загадала на звезду!.. Я привлек ее к себе и неловко чмокнул в область лица. Попал в нос.

– С ума сошел! – сказала Люся и толкнула меня в грудь.

Я попятился, запнулся о веревочную растяжку, и, гремя какими-то тазами, завалился в палатку, но не в Люсину, а в соседнюю.

– Кого тут черти носят? – раздался сонный голос Михалыча.

Я рванулся вон, но в темноте промахнулся мимо входа, врезался головой в брезентовую стенку и опрокинулся задом на землю. Вспыхнул свет фонаря.

– А, вот кто тут шарахается! – пробасил Михалыч. – Ты, товарищ дорогой, похоже, не в ту палатку полез!

– Я... я... – голос мой прерывался, – я не хотел...

– Понятно, что не хотел... ко мне не хотел!.. – гремел, казалось, на весь лагерь Михалыч. – Смотри, какой приткий: два дня еще в отряде не пробыл, а уже по девкам... Дон Жуан, ядрена вошь! А ну, быстро к себе в палатку!..

На следующий день я проснулся рано и тут же вспомнил про вчерашнее. Вставать сразу расхотелось. Но деваться было некуда – я выбрался из спального мешка и откинул полог палатки.

Хмурый туман стелился над Гилюем. Прибрежные камни влажно блестели. Тоскливо чирикали таежные птицы. Я взял умывальные принадлежности и поплелся к реке. Там плескался Алексей.

– Алексей, извини меня, пожалуйста, за сгущенку! – попросил я робко.

– Да ладно, я уже забыл... – сказал Алексей. – А что с тобой ночью приключилось?

– Ничего...

– Говорят, ты полез в палатку к Люське, а попал к Михалычу.

– Это Михалычу, наверно, приснилось, – сказал я, чувствуя, что краснею.

– Я так и подумал, – Алексей понимающе улыбнулся. – Но на всякий случай имей в виду: у нас это не принято...

Когда я появился на кухне, разговоры за столом сразу смолкли. Геологи сосредоточенно жевали. На меня старались не смотреть. Вдруг кто-то прыснул в кулак, и все сначала заулыбались, а потом засмеялись в полный голос.

– Дураки! – сказала Люся. – Он, в самом деле, нечаянно туда попал!

Тут геологи вообще заржали, как лошади. Некоторые сползли от смеха под стол.

И я тоже засмеялся, а что было делать?.. Смеюсь, а сам думаю: «Ладно, ладно, вот открою уникальное месторождение или, может быть, золота наберу на Чертовой печке полный рюкзак, тогда посмотрим, как вы будете смеяться!»

Слышу, Алексей зовет меня от своей палатки.

Я подошел.

– Что? – спрашиваю.

– Гоша, надо ребятам помочь, – произнес Алексей заговорщическим голосом.

– В смысле?

– Понимаешь, на полевых работах обычно выходной устраивают не в субботу и не в воскресенье, а в какой-нибудь дождливый день, когда маршруты всё равно проводить нельзя. А тут уже две недели дождей нет, и не предвидится. Ребята вымотались, им в бане бы помыться, постираться... а Михалыч ни в какую – ему надо план делать, пока позволяет погода!..

– А как я могу помочь?

– Есть у Михалыча одна слабость... – и Алексей изложил мне свой коварный план.

И вот через десяток минут, когда Михалыч появился на кухне, я вызвался принести для Люси воды из реки. Зачерпнув воду ведром, я вдруг со всех ног бросился на кухню, крича истошно:

– Рыба!.. Там огромная рыба!.. Вот такая! – я опустил ведро и развел руки как можно шире.

– Таймень? – спросил Михалыч, выскакивая из-за стола.

– Да! – сказал я, не моргнув глазом. Если он бы спросил про кита, я бы тоже так ответил.

– Подожди, покажешь где! – Михалыч пулей помчался в свою палатку и через секунду выбежал со спиннингом. Глаза его горели.

Мы кинулись к реке.

– Вон там он стоял!.. У того камня! – я указал на обломок скалы, торчащий из воды в двадцати метрах от берега.

Михалыч размахнулся спиннингом и швырнул блесну. Бешено закрутил катушку, выводя блесну к берегу. Ничего!.. Еще раз, теперь подальше... Снова пусто... Мне стало стыдно, и я пошел на кухню доедать кашу.

А Михалыч всё бросал и бросал...

– Кажется, клюнул! – шепнул мне Алексей, подмигивая.

Я подмигнул в ответ, но чувствовал себя паршиво.

– Ну как? – спросил Алексей, когда раздосадованный Михалыч вернулся за стол.

– Два раза хватал, но сорвался!.. Я думаю, вот что, ребята, давайте сегодня сделаем выходной – постирушки устроим, помоемся, а то этого дождя не дождешься... А я после обеда сгоняю тут на один ручей, ленков вам натаскаю на ужин!

Дружное ура было ему ответом.

Но нас-то с Алексеем этот выходной не касался. Нам уже сегодня надо было отплывать...

4. Ведьмина мельница и Чертова печка

Резиновую лодку мы надули еще с вечера. И уже тогда показалось она мне какой-то несерьезной: всего-то полтора метра длиной и меньше метра шириной!.. Когда мы сложили в нее приготовленные к походу продукты и снаряжение, выяснилось, что для экипажа места нет. Пришлось нам разуться, засучить штанины и сесть сверху на гору вещей, обхватив лодчонку ногами, опущенными в воду.

На берегу собрался весь отряд. На нас смотрели как на отчаянных героев. Наверно, так провожали корабль Колумба открывать недостающие части света. У Алексея на широком офицерском ремне с одной стороны висела кобура с револьвером системы «Наган», с другой – большой охотничий нож. У меня никакого оружия не было, зато я повязал голову цветным платком, как какой-нибудь отъявленный пират. Платок мне подарила Люся, сказав, что в маршрутах, если не сильно донимают комары, платок – самый лучший головной убор.

Настал миг расставанья. Мы с Алексеем взяли в руки по маленькому веслу из комплекта лодки, я изобразил прощальный пароходный гудок, и под ободряющие крики с берега мы гордо стали выгребать на стрежень. Течение подхватило нас и понесло. Через пару сотен метров Гиллой сделал поворот, и мы перестали видеть лагерь.

Сразу после поворота начался первый пережат. Здесь Гиллой сужался, слева и справа торчали из воды валуны и скалы, и только посередине, в коридоре шириной с десяток метров, камней не было. Туда мы и направили лодку. Но туда же устремилась со страшной скоростью и почти вся гиллойская вода. И в этой стремнине, в этих бурунах наша лодочка вдруг стала скакать, словно бык на родео. Мы, чтобы не свалиться, тут же бросили грести и вцепились всеми конечностями в лодку...

Через десяток секунд пережат закончился. Мы не упали в воду, мы, слава Богу, не перевернулись, но лодочка наша была полна воды, и на нас самих не было сухого места.

– Быстро гребем к берегу! – крикнул Алексей.

Подгребли, вытащили лодку на галечник, перевернули ее вверх дном. Результаты первых пяти минут нашего плавания были удручающие! Хлеб и сухари превратились в кашу – только рыб покормить; сахар «рафинад быстрорастворимый», в самом деле, оказался быстрорастворимым; крупа, мука, соль, супы в пакетах – подмокли.

Но не это нас волновало больше всего!.. Наш корабль, только что с такими понтами ушедший в дальнейшее плавание, позорно потерпел крушение, едва отчалив! Вот облажались, так облажались!.. Поэтому мы с Алексеем, раскладывая для просушки продукты и вещи, выкручивая робы, старались не шуметь, потому что до лагеря было рукой подать. Там, за прибрежным леском, слышались знакомые веселые голоса.

– Этот порог даже не показан!.. – оправдываясь, говорил Алексей. Он сидел на гальке в одних трусах и рассматривал карту. – Что же будет на порогах, которые обозначены?.. Тут одни названия чего стоят: Тюмень горло, Ведьмина мельница, Чертова печка!..

Между сопок просунулось солнце и осветило наш блошинный рынок. Под солнцем всё стало быстренько сохнуть, и через полчаса мы начали сворачиваться. В этот раз вещи, уложенные в лодку, мы накрыли брезентовой палаткой, а сверху еще и полиэтиленовой пленкой, края которой завели под лодку и закрепили веревками. Получился такой непромокаемый поплавок, на котором мы и поплыли дальше, весьма довольные тем, что никто из отряда так и не обнаружил нашего конфуза.

Выяснилось, что подобные пережаты идут на Гиллоу примерно через километр. Они вполне безобидны: надо только держаться в самой струе, чтобы не налететь на подводный камень. Делать ничего не нужно, только держись крепче. Даже приятно: тебя мчит, швыряет то вверх, то вниз – дух захватывает, как на аттракционе!

Между порогами река широка и глубока, течение здесь не такое быстрое. То и дело открываются живописные виды: отвесные прибрежные скалы, похожие на сказочные замки; зеленые и голубые склоны сопки, уходящие в небо; желтое двойное пятно склоненной над водой березы...

– Вот и осень подкралась... – сказал Алексей, фотографируя березу. – Того и гляди, снег выпадет!

– Какой снег? – не поверил я. – Август месяц!..

– Снег в здешних краях может выпасть и в июле!.. – Алексей достал из планшета карту. – Так, Гоша, сегодня нам до места не доплыть, придется устраивать ночевку... И заночуем мы с тобой на Перевоз-Гилую.

– В поселке?

– Был поселок, сейчас там одни развалины да хибарка паромщика.

До Перевоз-Гилоя мы добрались почти в темноте. Решили паромщика не беспокоить, а заночевать на берегу.

Проплыли мимо темного силуэта парома под тросом, натянутом поперек реки, и на правом, обрывистом, высотой в два человеческих роста берегу наспех поставили палатку. Затем внизу, у воды, развели костер, сварили ужин. Поели. На меня навалилась такая усталость, что я едва смог подняться к палатке.

Долго не засыпалось, болели натруженные руки, перед глазами бесконечной лентой бежало пестрое речное дно. К тому же палатку поставили неудачно. Я лежал прямо на каком-то холмике, с которого постоянно скатывался то на Алексея, то на боковину палатки.

Когда я проснулся, Алексей уже кашеварил внизу. Сопки на противоположном берегу стояли по пояс в утреннем тумане. Хрипло куковала кукушка. Стая уток пролетела над рекой.

– Спускайся, завтрак готов! – крикнул мне Алексей.

Ели прямо из котелка. Каша обжигала, взять в рот ее было невозможно. Тем не менее вскоре котелок наполовину опустел, хотя, клянусь, я вообще ничего еще не съел! Алексей один всё схавал, проглот!.. Я пригляделся, как он так умеет?.. Оказывается, он не черпает, как я, поглубже, а ловко снимает тоненький верхний слой каши – и в рот!.. Я стал поступать так же – дело пошло, но всё равно мне уже каши не хватило, чтобы наестся.

– В кругу друзей не щелкай клювом! – довольно расхохотался Алексей, видя мое обиженное лицо. – Ладно, Гоша, открой себе еще банку тушенки!

Пока я усугублял свой завтрак тушенкой, Алексей собирал вещи.

– Эге, дружок, – сказал вдруг он с какой-то растерянностью, – мы с тобой, похоже, на кладбище ночевали!.. То-то, я смотрю, на берегу какие-то странные кости валяются... А вот и угол гроба торчит, – Алексей поковырялся веслом в обрыве. – Ну да, река размывает старое кладбище!..

Ужасная догадка пришла мне на ум. Я бросил тушенку, взлетел на обрыв, сдернул палатку... Точно, блин! Я спал на могильном холмике! Волосы поднялись дыбом на моей голове!

– Алексей! – завопил я. – Что делать?.. Я спал на могиле!..

– Поздравляю, Георгий! Ты уверенно движешься в пантеон легендарных супергероев Зейского района!.. Первый твой подвиг – такси до Золотой Горы, второй – ночь на могиле!.. И это, я чувствую, только начало!..

Поплыли дальше. Опять бурные перекаты, чередующиеся с участками со спокойным течением, скальные прижимы то с одного, то с другого берега, глыбовые россыпи на склонах, утиные стаи, поднимающиеся в воздух при нашем приближении и перелетающие с места на место. Один раз на галечниковый берег вышла медведица с двумя медвежатами. Алексей вынул наган. Медведица, увидев нас, коротко рявкнула, и медвежата скрылись в прибрежных зарослях. Медведица почапала за ними.

– Ты хотел стрелять? – спросил я Алексея.

– В медведя?.. Нет, только в воздух, чтобы отпугнуть, если что... – Алексей крутанул барабан револьвера. – С этим наганом брали Зимний!.. Попасть из него – большая удача: он стреляет через раз и с разбросом в два метра на расстоянии в пять!..

Тюмень горло прошли сходу. Это оказался очень протяженный и очень узкий слив, зажатый скальными стенками. Такая веселая, очень быстрая водная горка. Но если бы где-нибудь в этой трубе торчала скала или большой валун, мы разбились бы вдребезги!..

Ведьмина мельница представляла собой каскад небольших водопадов. Мы, конечно, вымокли прилично в этой мельнице и ударились лодкой пару раз о валуны, но без всяких неприятных последствий.

Грозный рев Чертовой печки был услышан нами еще за километр. Он не сулил ничего хорошего. Шум все нарастал, и вдруг мы увидели, что река впереди исчезает! Нас несло прямо на скальную стену, стоящую поперек реки. Гиллой утыкался в эту стену и... пропал!..

– Давай к берегу! – обеспокоенно сказал Алексей. – Что-то тут не то!..

Мы подгребли к правому берегу и осторожно поплыли меж прибрежных валунов, вытягивая шеи.

Все прояснилось, когда до стены оставалось двести метров. Гиллой не уходил под землю, как мы подумали вначале. Он налетал на стену и тут же, круто повернув налево, бросался вниз по узкому сливу, откуда и доносился этот страшный рев.

– Не-ет, – протянул Алексей, – так просто мы в эту печку не полезем!.. Мы поступим мудро!.. Мы сначала посмотрим, что это такое... Сейчас переплывем на тот берег, пешочком пройдем до слива и всё разведем...

И мы поплыли на тот берег. До него было метров сто. Мы не поняли сразу, что случилось. Стена, которая перегораживала реку, вдруг стала быстро приближаться!.. Течение!.. Течение резко ускорилось!..

– Блин! – заорал Алексей. – Не успеем, нас затянет в слив!.. Давай обратно!

Мы бестолково замахали веслами, разворачивая лодку!.. Развернули!..

– Давай, давай, Гоша, гребь! – кричал Алексей, работая веслом с невероятной скоростью.

И я давал!.. Казалось, от напряжения у меня глаза вылезут из орбит и на руках порвутся мышцы – так я упирался!

Но все было без толку!.. Лодка уже налетала на стену, и мы выставили ноги и весла, чтобы смягчить удар. Нам это удалось, и сразу же мощным течением лодку потащило вдоль стены налево, вниз... На секунду открылось ревущее горло слива – в пене, в брызгах, в тучах водяной пыли – и мы свалились в этот ад!

Сразу мне глаза, уши, рот забило водой!.. Лодку крутило, ее ставило на дыбы, ее било о камни. Словно нас смыло в гигантский унитаз и несло теперь по его трубам и сифонам!..

...Лодку выплюнуло на тихий плес так же неожиданно, как и засосало в эту «чертову» канализацию!.. Оглушенные, мокрые с ног до головы, еще до конца не верящие в то, что живы и целы, мы подгребали к безмятежной, залитой солнцем лужайке.

– Я вижу, ты штаны-то обмочил!.. – сказал Алексей ехидно. Похоже, он приходил в себя.

– Просто вспотел немного, – ответил я небрежно. – А что, разве было отчего обмочить штаны?..

– Ну-у, я... тут задремал маленько, от скуки... Проснулся, смотрю – ты мокрый!..

– Все было спокойно, Алексей... Я только не понял, чего ты орал: «Давай, давай, гребь!»

– Во сне, наверно...

– Наверно...

На лужайке мы пообедали, обсушились и отдохнули. Я даже немного поспал на солнышке. Когда проснулся, Алексей уже упаковывал вещи.

– Алексей, – спросил я осторожно, – а как же золото?

– Какое золото? – бросил на меня острый взгляд Алексей.

– Да-а, это... ребята говорили, что ты плывешь на Чертову печку за золотом...

– Какие ребята?.. Люська, наверно?..

– Ну, Люська...

– Люську хлебом не корми – дай кого-нибудь разыграть!.. А она тебе не рассказала, как в прошлом году я в многодневном маршруте напарника съел, когда продуктов не хватило?

– Нет...

– Еще расскажет!.. Касаемо золота... Может, и было когда-то оно в Чертовой печке, но теперь его здесь точно нет – я читал отчет местных золотарей... Вообще, все гилюйские россыпи еще в царские времена перелопатили на несколько раз!.. Если где и осталось богатое золотишко, так только в каких-нибудь самых глухих ручьях... А ты, Гоша, что, хотел набрать здесь золота?

– Ну, думал хотя бы пару крупинок – пацанам в Хабаровске показать...

– И сесть на пару лет!.. По закону, Гоша, всё найденное или добытое золото надо сдавать государству!.. Но не расстраивайся!.. Если мы с тобой откроем на Урюме урановое месторождение, оно будет ценнее всего золота Гилюя и его притоков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.